

ДЕЛО «ГУДВИН (GOODWIN) против СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА»

Постановление суда от 27 марта 1996 г.

В деле “Гудвин (Goodwin) против Соединенного Королевства”,

Европейский суд по правам человека, заседая, в соответствии со статьей 51 Регламента Суда А, в виде Большой Палаты, составленной из следующих судей:

г-н Р. Риссдал, Председатель,

г-н Р. Бернхардт,

г-н Тор Вильялмсон,

г-н Ф. Матчер,

г-н Б. Уолш,

г-н К. Руссо,

г-н А. Шпильманн,

г-н Й. Де Мейер,

г-н Н. Валतिकос,

г-жа Э. Палм,

г-н Ф. Биджи,

сэр Джон Фрилэнд,

г-н А. Б. Бака,

г-н Д. Готчев,

г-н Б. Репик,

г-н П. Ямбрек,

г-н П. Курис,

г-н У. Ломус,

а также г-н Х. Петцольд, секретарь, и г-н П. Дж. Магони, заместитель секретаря,

Проведя 30 сентября 1995 г. и 22 февраля 1996 г. совещания при закрытых дверях,

Выносит следующее постановление, которое было принято 22 февраля 1996 г.:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Настоящее дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (“Комиссией”) 20 мая 1994 г., в течение трехмесячного срока, предусмотренного статьей 32 п. 1 и статьей 47 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”). Оно возникло из жалобы (№ 17488/90) против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, поданной в Комиссию 27 сентября 1990 г. британским подданным г-ном Уильямом Гудвином, в соответствии со статьей 25 Конвенции.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Соединенное Королевство признало обязательность для себя постановлений Суда (статья 46). Предметом запроса было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии со статьей 33 п. 3 (d) Регламента Суда А, заявитель сообщил о своем намерении принять участие в разбирательстве дела в Суде и назначил адвокатов для представления его интересов в этом разбирательстве (статья 30 Регламента).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли сэр Джон Фрилэнд как избранный судья британской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Рисдал как Председатель Суда (статья 21 п. 3 (b) Регламента). 28 мая 1994 г. в присутствии секретаря Председатель путем жеребьевки назначил остальных 7 членов Палаты, а именно: г-на Тора Вильямсона, г-на Б. Уолша, г-на К. Руссо, г-на Й. Де Мейера, г-жу Э. Палм, г-на А. Б. Бака и г-на Б. Репика (заключительная часть статьи 43 Конвенции и статья 21 п. 4 Регламента).

4. В качестве Председателя Палаты (статья 21 п. 5 Регламента), г-н Рисдал, действуя через секретаря, провел с представителем правительства Соединенного Королевства (“Правительством”), адвокатами заявителя и представителем Комиссии консультации по вопросам организации судебных слушаний (статьи 37 п. 1 и 38 Регламента). По получении соответствующих предписаний, Правительство и заявитель подали в судебную канцелярию свои меморандумы 3 февраля 1995 г. и 1 марта 1995 г., соответственно. 19 апреля 1995 г. Секретарь Комиссии сообщил, что представитель Комиссии не желает давать ответ в письменной форме.

В дальнейшем, в период с 12 апреля по 7 сентября 1995 г. секретарь получил от Правительства и заявителя ряд письменных замечаний относительно жалобы последнего на нарушение статьи 50 Конвенции.

5. 24 февраля 1995 г. Председатель после проведения консультаций с Палатой разрешил двум находящимся в Лондоне неправительственным правозащитным организациям — “Статья 19” и “Интерайтс” — представить письменные соображения по аспектам внутреннего законодательства ряда стран в сфере, о которой идет речь в данном деле (статья 37 п. 2 Регламента). Их соображения поступили в судебную канцелярию 10 марта 1995 г.

6. В соответствии с решением Председателя, слушание дела проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 24 апреля 1995 г. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства —

г-н И. Кристи, Министерство иностранных дел и по делам Содружества, Представитель,

г-н М. Бэйкер, Королевский адвокат, Адвокат;

г-н М. Коллон, Департамент Лорд-канцлера, Советник;

(b) со стороны Комиссии —

г-жа Г. Х. Тьюн, Представитель;

(c) со стороны заявителя —

г-н Г. Робертсон, королевский адвокат, Адвокат,

г-н Г. Биндмэн, солиситор,

г-н Р. Д. Сэк, поверенный,

г-жа А. К. Хилкер, поверенный,

г-жа Л. Мур, поверенный,

г-н Дж. Мортимер, королевский адвокат, Советники.

Суд выслушал выступления г-жи Тьюн, г-на Робертсона и г-на Бэйкера, а также их ответы на вопрос, заданный им одним из членов Суда.

7. После проведенного 27 апреля 1995 г. совещания Палата решила уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты (статья 51 п. 1 Регламента).

8. В состав Большой Палаты, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н Р. Риссдал как Председатель Суда, г-н Р. Бернхардт как заместитель Председателя Суда и другие члены Палаты, уступившей юрисдикцию (статья 51 п. 2 (а) и (b) Регламента). 5 мая 1995 г. в присутствии секретаря Председатель, чтобы завершить формирование Большой Палаты, путем жеребьевки назначил 9 дополнительных судей, а именно: г-на Ф. Матчера, г-на А. Шпильманна, г-на Н. Валтикосу, г-на Р. Пекканена, г-на Ф. Биджи, г-на Д. Готчева, г-на П. Ямбрека, г-на П. Куриса и г-на У. Ломуса (статья 51 п. 2 (с) Регламента). Впоследствии г-н Пекканен, будучи не в состоянии принимать участие в дальнейшем разбирательстве дела, вышел из состава Большой Палаты (статья 24 п. 1 в сочетании со статьей 51 п. 6 Регламента).

9. Приняв во внимание мнения представителя Правительства, представителя Комиссии и заявителя, Большая Палата решила 4 сентября 1995 г. не проводить дальнейших слушаний после того, как Палата уступила ей юрисдикцию (статьи 26 и 38 в сочетании со статьей 51 п. 6 Регламента).

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ДЕЛА

I. Конкретные обстоятельства дела

10. Г-н Уильям Гудвин — английский подданный, журналист. Он проживает в Лондоне.

11. 3 августа 1989 г. заявитель был зачислен в штат журнала “Инджиниэр”, выпускаемого компанией “Морган-Грампин (паблишерз) лтд.” (“издателями”), в качестве журналиста-стажера. Он стал работать по найму в открытой публичной компании с ограниченной ответственностью “Морган Грампин” (“компании-работодателе”).

2 ноября 1989 г. ему позвонило лицо, которое, по словам заявителя, и ранее снабжало его информацией о деятельности различных компаний. Данный источник сообщил ему, что компания “Тетра лтд.” (“Тетра”) занята изысканием займа в 5 миллионов фунтов стерлингов, поскольку испытывает финансовые трудности в результате ожидаемой потери 2 миллионов 100 тысяч фунтов стерлингов в 1989 г. при товарообороте в 20 миллионов 300 тысяч фунтов стерлингов. Это была добровольная и безвозмездная информация. Она была получена на условии анонимности предоставившего ее источника. Заявитель утверждает, что у него не было никаких оснований полагать, что информация была получена из похищенного или конфиденциального документа. 6 и 7 ноября, намереваясь подготовить статью о “Тетре”, он звонил в эту компанию, чтобы проверить факты и получить комментарий о финансовых проблемах компании.

Информация, о которой идет речь, содержалась в проекте секретного плана компании. На 1 ноября 1989 г. имелось восемь пронумерованных экземпляров последней редакции проекта. Пять экземпляров находилось в руках высшего руководства компании, и еще по одному имелось у бухгалтеров компании, в банке и у приглашенного со стороны консультанта. Каждый экземпляр был скреплен кольцами и имел на себе гриф “строго конфиденциально”. Экземпляр бухгалтеров в последний раз видели около 3 часов дня 1 ноября в их кабинете на территории компании. В промежутке между 3 и 4 часами в кабинете никого не было, и в это время из него исчез вышеупомянутый документ.

А. Судебный запрет и приказы о раскрытии источников и документов

12. 7 ноября 1989 г. судья Хоффман из Высокого суда правосудия (Канцелярского отделения) удовлетворил датированную тем же числом просьбу “Тетры” о выдаче промежуточного судебного предписания, запрещающего издателям журнала “Инджиниэр” публиковать любые сведения, полученные из конфиденциального плана компании. 16 ноября компания “Тетра” проинформировала о запрете все другие национальные газеты и соответствующие журналы.

13. В affidavite в Высокий суд, датированном 8 ноября 1989 г., “Тетра” заявила, что если план станет достоянием общественности, то это может повлечь за собой полную утрату доверия к компании со стороны фактических и потенциальных кредиторов, клиентов и особенно поставщиков, грозящую обернуться потерей заказов и отказом снабжать компанию товарами и услугами. Это неизбежно создаст трудности в ведущихся “Тетрой” переговорах о рефинансировании. Если компания обанкротится, без работы останется около четырехсот служащих.

14. 14 ноября 1989 г. судья Хоффман на основании заявления “Тетры” вынес судебный приказ, обязывающий издателей в силу статьи 10 Закона о неуважении к суду 1981 г. (“Закон 1981 г.”; см. п. 20 ниже) раскрыть к 3 часам пополудни 15 ноября записи, сделанные заявителем во время вышеуказанного телефонного разговора, которые позволили бы идентифицировать источник, предоставивший ему информацию. Когда в указанный срок издатели не исполнили судебный приказ, судья Хоффман разрешил “Тетре” привлечь к судебному разбирательству также компанию-работодателя заявителя и самого заявителя. Он дал ответчикам время предъявить вышеупомянутые записи до 3 часов пополудни следующего дня.

17 ноября 1989 г. Высокий суд издал дальнейший приказ о том, что заявитель представляет всех лиц, которые неправомочно получили план или вытекающую из него информацию. Согласно приказу, такие лица были обязаны сдать все копии плана, находящиеся в их распоряжении. Затем в судебном разбирательстве был сделан перерыв, чтобы заявитель мог довести данный приказ до сведения своего источника. Однако, заявитель отказался выполнить это.

15. 22 ноября 1989 г. судья Хоффман потребовал от заявителя раскрыть к 3 часам пополудни 23 ноября источник своих сведений на том основании, что это необходимо “в интересах правосудия” в смысле статьи 10 Закона о неуважении к суду 1981 г. (см. п. 20 ниже) для установления личности информатора, с тем чтобы дать возможность компании “Тетра” возбудить против него судебное преследование, вернуть пропавшие документы, а также получить судебный приказ, запрещающий дальнейшие публикации, либо попытаться добиться компенсации за понесенные расходы. В заключение судья сказал:

"При отсутствии доказательств в пользу противного, имеются все основания полагать, что компания понесла серьезный урон в результате похищения конфиденциального документа. Имеются не менее веские основания полагать, что компании будет нанесен существенный коммерческий ущерб в случае публикации в ближайшем будущем содержащейся в документе информации. Возможно, источник и не является лицом, похитившим документ. Он вполне мог получить информацию не из первых рук, хотя это менее вероятно. В любом случае, однако, он пытался обеспечить публикацию дискредитирующих компанию “Тетра” сведений, которые, как он должен был знать, являются засекреченными и имеют конфиденциальный характер. По словам ответчика, через несколько дней после передачи информации источник звонил ему еще раз и интересовался, как обстоят дела с подготовкой статьи. Истец желает возбудить против источника судебное преследование, чтобы вернуть пропавший документ, добиться судебного запрета дальнейших публикаций и получить компенсацию за понесенные им расходы. Однако он не может обратиться к этим средствам судебной защиты, пока он не знает, кому именно предъявить обвинение. В обстоятельствах настоящего дела, когда наличествует настоятельная потребность в получении судебной защиты против действий источника, я считаю, что раскрытие источника информации является необходимым в интересах правосудия.

... Нет оснований сомневаться в том, что ответчик был невиновным получателем информации, однако, как показывает дело *“Норвич фармакал”*, это не имеет значения. Вопрос заключается в том, оказался ли он замешанным в правонарушении...

Ответчик показал под присягой, что, по его мнению, общественные интересы требуют опубликования конфиденциальной коммерческой информации истца. Адвокат ответчика утверждает, что опубликованные ранее результаты деятельности компании-истца создают впечатление, что это преуспевающая компания, расширяющая свою сферу деловой активности, а посему публика имеет право знать, что теперь она испытывает трудности. Я отклоняю это соображение. Ничто не указывает на то, что информация в проекте бизнес-плана опровергает что-либо ранее обнародованное компанией, или что истец обязан законом или коммерческой этикой предоставить эту информацию клиентам, поставщикам и конкурентам. Напротив, мне кажется, что коммерческие предприятия не могли бы функционировать должным образом, если бы у них не было возможности хранить подобную информацию в тайне".

16. В тот же самый день Апелляционный суд отклонил ходатайство заявителя о приостановлении исполнения решения Высокого суда, но изменил содержащиеся в

приказе требования к заявителю: он был обязан раскрыть свои записи, сделанные во время телефонного разговора с источником, компании “Тетра”, либо предъявить их Апелляционному суду в запечатанном конверте в сопровождении аффидевита. Заявитель не выполнил требований этого приказа.

А. Апелляционные жалобы в Апелляционный суд и Палату лордов

17. 23 ноября 1989 г. заявитель подал в Апелляционный суд жалобу на судебный приказ, вынесенный судьей Хоффманом 22 ноября 1989 г. Он утверждал, что раскрытие источника его информации не является "необходимым в интересах правосудия" в смысле статьи 10 Закона 1981 г.; что общественный интерес в публикации полученных им сведений перевешивал интерес в сохранении их конфиденциальности; и что, поскольку он никоим образом не способствовал злоупотреблению доверием, вынесенный в его отношении приказ о раскрытии источника информации не имеет законной силы.

12 декабря 1989 г. Апелляционный суд отклонил жалобу заявителя. Лорд Дональдсон вынес следующее решение:

"Существование лица, имеющего доступ к принадлежащей истцам строго секретной информации и пошедшего на нарушение своих обязательств по сохранению конфиденциальности, представляет собой постоянную угрозу для истцов. Устранить эту угрозу можно, только установив личность злоумышленника. Судебными запретами можно, разумеется, не допустить публикации похищенной информации в прессе, но они не могут действенным образом предотвратить разглашение информации клиентам или конкурентам истца”.

<...>

... В решении, выносимом на открытом судебном заседании, мне не хотелось бы вдаваться в подробности того, почему данное дело является таковым, что если бы судам сделались известны все обстоятельства дела, а они вынуждены были сообщить истцам, что ничем не могут им помочь, это нанесло бы, по моему мнению, серьезный ущерб доверию общества к отправлению правосудия в целом. Достаточно сказать, что компания-истец является одним из лидеров, а возможно, и главным лидером в своей чрезвычайно важной сфере деятельности, которую я намеренно не указываю. У нее большое число внутренних и внешних клиентов и конкурентов. Компания столкнулась с ситуацией, которая частично стала результатом ее собственного успеха. В своем развитии она достигла точки, когда возникла необходимость в рефинансировании и расширении сферы деятельности. Альтернативой этому было только банкротство, означающее потерю не только денег, но и значительного числа рабочих мест. Это — не та ситуация, когда суд может проявить беспомощность при отсутствии неопровержимых причин. Истцы продолжают вести переговоры о рефинансировании при наличии угрозы со стороны источника (или источника этого источника), тикающей под ними, как бомба с часовым механизмом. Прежде всего, они имеют право на получение судебной помощи в том, что касается установления, обнаружения и обезвреживания источника этой угрозы.

То обстоятельство, что я принял решение о необходимости раскрытия источника сведений г-на Гудвина в интересах правосудия, не является решающим фактором в рассмотрении данной апелляционной жалобы. Тем не менее, оно означает, что мне придется прибегнуть к процедуре уравнивания. С одной стороны — налицо жизненно важный общественный интерес в защите источников информации журналистов, нашедший свое воплощение в положениях статьи 10 Закона 1981 г. С другой стороны, по моему мнению — конкретное дело, в котором раскрытие источника информации необходимо в общих интересах отправления правосудия. Если бы эти факторы не были взаимосвязаны, то справедливость иска о раскрытии источника информации была бы доказана, так как намерения законодателей заключались в том, что при прочих равных условиях должна превалировать необходимость в раскрытии источника по любому из указанных четырех оснований.

Положение изменилось бы, если бы конкретные обстоятельства дела указывали на наличие дополнительных аргументов в пользу сохранения конфиденциальности источника журналистской информации. Так обстояло бы дело, если бы обнаруженная информация свидетельствовала о том, что власти так изящно назвали “несправедливостью”. Или, если бы компания-истец была открытым акционерным обществом, от акционеров которого утаивалась бы информация, жизненно важная для принятия решений о том, продавать или нет принадлежащие им акции. Такие обстоятельства ослабили бы заинтересованность общества в сохранении конфиденциальности просочившейся информации и усилили бы общественный интерес в защите конфиденциальности источников журналистской информации. Равным образом, в конкретных случаях, таких, например, когда установление источника информации необходимо для подтверждения или опровержения алиби в судебном уголовном разбирательстве, необходимость в раскрытии источника информации “в интересах правосудия” может возрасти и перешагнуть порог предписанных законом требований о значительном усилении необходимости в защите источника информации, служа тем самым противовесом этим требованиям. Как только [истцы] перешагнут указанный порог, начнет действовать принцип уравнивания.

В обстоятельствах настоящего дела, ничего не следует добавлять ни к одной чаше весов. Критерий требований правосудия удовлетворен, причем без превышения уровня разумной избыточности. Важный общественный интерес в сохранении конфиденциальности источников журналистской информации наличествует, но конкретные обстоятельства абсолютно ничего не добавляют к нему. Не было продемонстрировано никакой “несправедливости”. От акционеров ничего не утаивалось. В самом деле, у общественности не было законного интереса в коммерческой деятельности компании-истца, поскольку она, хотя и будучи корпоративной по форме, в действительности должна

быть отнесена к категории частных лиц. Фактически мы имеем дело с ничем не обоснованным вмешательством в неприкосновенность частной жизни.

Таким образом, у меня не остается ни малейших сомнений в том, что, несмотря на общую необходимость защищать журналистские источники информации, в настоящем деле чаша весов склоняется в пользу раскрытия источника информации. В аналогичных обстоятельствах я бы отклонил апелляцию любых компаний. Я не вижу никаких причин, по которым я бы мог поступить иначе по отношению к апелляционным жалобам г-на Гудвина".

Судья лорд Маккован указал, что заявитель, по всей видимости, "поразительно наивен", если ему не пришло на ум, что источник его информации был, по меньшей мере, виновен в злоупотреблении доверием.

Апелляционный суд разрешил заявителю подать апелляционную жалобу в Палату лордов.

18. Палата лордов 4 апреля 1990 г. утвердила решение Апелляционного суда, применив принцип, изложенный лордом Рейдом в решении по делу *"Норвич фармакал ко." против Управления таможенных пошлин и акцизных сборов* [1974], Апелляционные жалобы, 133 — предыдущем руководящем судебном решении:

“Если без какой бы то ни было вины со своей стороны лицо оказывается замешанным в противоправных действиях других лиц, способствуя тем самым их правонарушениям, оно не несет персональной ответственности, однако на него возлагается обязанность содействовать лицу, пострадавшему в результате этого правонарушения, путем предоставления ему полной информации и раскрытия личности правонарушителей”.

Лорд Бридж, в первой из пяти отдельных речей, произнесенных им по делу заявителя, подчеркнул, что при применении статьи 10 необходимо проводить уравнивание потребности в защите источников информации и, в числе прочего, "интересов правосудия". В отношении того, как именно осуществлять такое уравнивание, он сослался на ряд других дел (в частности, *Министр обороны против "Гардиан ньюспейперс лтд."* [1985], Апелляционные жалобы, 339) и продолжил:

"... вопрос о необходимости раскрытия источника информации в интересах правосудия дает начало более сложной проблеме сопоставления одного общественного интереса с другим. Вопрос, возникающий в силу этой части статьи 10, ранее не разбирался подробно в высокой Палате лордов. При обсуждении статьи в целом лорд Диплок сказал в деле *Министр обороны против "Гардиан ньюспейперс лтд."*, [1985], Апелляционные жалобы 339, 350:

«В исключениях вообще ничего не говорится об "общественном интересе", и мне хотелось бы добавить, что с моей точки зрения, выражение "правосудие", интересы которого имеют право на защиту, употреблено не в общем смысле как антоним слова "несправедливость", а в техническом смысле отправления правосудия в ходе рассмотрения дела в суде, или, вследствие расширенного определения слова "суд" в статье 19 Закона 1981 г., в органе правосудия или органе, осуществляющем судебную власть государства'.

Я полностью согласен с первой частью этого высказывания. Понимать "правосудие" в статье 10 в смысле антонима "несправедливости" было бы излишне широким толкованием. Однако заключать его в рамки "технического смысла отправления правосудия в ходе рассмотрения дела в суде", при всем моем уважении ко всем высказываниям покойного лорда Диплока, было бы слишком узким толкованием. По моему мнению, "в интересах правосудия", в том смысле, в каком эта фраза употреблена в статье 10 — чтобы люди могли осуществлять важные законные права и защищать себя от серьезных правонарушений независимо от того, будет ли необходимым для достижения этих целей обращение к разбирательству дела в суде. Например, если наниматель, дающий работу большому штату работников, понесет серьезный ущерб от действий не установленного нелояльного служащего, несомненно, в интересах правосудия, если у него будет возможность установить личность такого служащего, с тем чтобы расторгнуть заключенный с ним трудовой договор, несмотря на то, что для достижения этой цели судебного разбирательства может и не потребоваться.

Рассмотрение фразы "в интересах правосудия" в этом смысле сразу же подчеркивает важность процедуры уравнивания. Для стороны, добивающейся раскрытия источника, защищенного статьей 10, недостаточно просто показать, что без такого раскрытия она не сможет осуществить свое законное право или предотвратить угрозу совершения правонарушения, на которых она основывает свое требование об установлении необходимости раскрытия источника информации. Задача судьи будет заключаться в том, чтобы сопоставить значимость обеспечения достижения целей правосудия в обстоятельствах конкретного дела, с одной стороны, с важностью защиты источника информации, с другой стороны. При осуществлении такого сравнения порог необходимости будет достигнут только в том случае, если судья удовлетворен тем, что раскрытие в интересах правосудия имеет настолько превалирующее значение, что оно перевешивает установленную законом привилегию против раскрытия источников информации.

Вопрос о том, установлена ли потребность в раскрытии источника информации в этом смысле, безусловно, является скорее вопросом факта, чем вопросом, требующим применения судебного усмотрения. Однако, подобно многим другим вопросам факта,

таким, например, как вопрос о том, были ли действия того или иного лица разумными при конкретных обстоятельствах, он требует тонкой и зачастую весьма сложной субъективной оценки. С другой стороны, при оценке веса, придаваемого значимости раскрытия источника информации во исполнение стратегии, лежащей в основе статьи 10, существенную роль будут играть множество факторов на обеих чашах весов.

Было бы глупо пытаться составить всестороннее руководство, как именно следует проводить процедуру уравнивания. Но весьма уместно, как мне кажется, будет указать те виды факторов, которые требуют особенно внимательного рассмотрения. Оценивая значение, которое должно быть придано делу в пользу раскрытия источника информации, требуется поместить конкретное дело в рамки широкого спектра. Если сторона, добивающаяся раскрытия, покажет, например, что от него зависит само ее существование, это поместит дело рядом с одним краем спектра. Если же сторона сможет показать лишь то, что она стремится защитить незначительный интерес в своей собственности, это поместит дело на другой край спектра. С другой стороны, значимость аргумента защиты источника от раскрытия во исполнение стратегии, лежащей в основе закона, также будет варьироваться в пределах спектра. Одним из главных факторов будет характер информации, полученной от источника. Чем больше законный интерес к информации, которую источник предоставил издателю или предполагаемому издателю, тем выше становится значение защиты этого источника. Но другим и, возможно, более значащим фактором, оказывающим сильное влияние на значимость аргумента в пользу защиты источника, будет способ, каким источник получил информацию. Если суд посчитает, что информация получена законным путем, это усилит аргумент защиты источника. Напротив, если окажется, что информация была получена незаконно, это уменьшит важность защиты источника, если, конечно, этот фактор не будет уравновешен очевидным общественным интересом в публикации данной информации, как в классическом случае, когда источник действовал с целью разоблачения несправедливости. Я привлекаю внимание к этим соображениям только в иллюстративных целях и еще раз подчеркиваю, что их ни в коем случае не следует рассматривать как свод законов...

В конкретных обстоятельствах данного дела, я не сомневаюсь в правильности заключения [Высокого суда] и Апелляционного суда об установлении необходимости раскрытия источника информации г-на Гудвина в интересах правосудия. Важность получения приказа о раскрытии источника для компании-истца заключается в угрозе серьезного ущерба ее бизнесу, а следовательно, и средствам к существованию ее работников, который может быть причинен разглашением конфиденциальных сведений, в то время как переговоры по рефинансированию еще продолжаются. Эту угрозу... можно было устранить, только если бы удалось идентифицировать источник информации, который либо сам являлся похитителем копии бизнес-плана, либо мог повести к установлению такого похитителя и дать, таким образом, компании возможность истребовать пропавший документ по суду. С другой стороны, важность защиты источника информации значительно уменьшилась из-за соучастия источника в грубом нарушении конфиденциальности, что не было уравновешено каким-либо законным интересом, которому могла бы служить публикация этой информации. Рассмотрение баланса интересов с этой точки зрения ясно показало преобладание интересов правосудия, перевесивших соображения предусмотренной законом защиты источника от раскрытия, и проверка необходимости раскрытия источника была проведена...".

Лорд Темплман добавил, что заявитель должен был "отдавать себе отчет в том, что [информация] была конфиденциальной и могла причинить серьезной ущерб компании-истцу".

С. Штраф за неуважение к суду

19. Между тем, 23 ноября 1989 г. против заявителя было выдвинуто обвинение в неуважении к суду. Данное преступление наказывается неограниченным штрафом или тюремным заключением на срок до двух лет (статья 14 Закона 1981 г.). 24 ноября на слушании в Высоком суде адвокат заявителя согласился с тем, что заявитель допустил неуважение к суду, однако разбирательство по этому вопросу было отложено до получения судебного решения по апелляционной жалобе.

После того, как Палата лордов отклонила апелляцию заявителя, Высокий суд 10 апреля 1990 г. оштрафовал его на 5 000 фунтов за неуважение к суду.

II. Соответствующее национальное законодательство

20. Статья 10 Закона о неуважении к суду 1981 г. предусматривает:

“Суд не может требовать от лица раскрытия источника информации, а лицо не может быть признано виновным в неуважении к суду за отказ раскрыть источник информации, содержащейся в публикации, за которую оно отвечает, если только не будет установлено, что такое раскрытие является необходимым в интересах правосудия или национальной безопасности, либо для предотвращения беспорядков или преступлений”

21. В статье 14 (1) говорится:

“В случае, когда суд имеет право заключить лицо в тюрьму за неуважение к суду и (не считая данного положения) не существует ограничений на срок тюремного заключения, заключение (без ущерба для права суда принять приказ о его досрочном освобождении) должно иметь фиксированный срок, и этот срок ни в коем случае не должен превышать двух лет в случае вынесения решения судом высшей инстанции, и одного месяца в случае вынесения решения нижестоящим судом”.

22. В деле *Министр обороны против “Гардиан ньюспейперс”* лорд Диплок следующим образом прокомментировал выражение "интересы правосудия" в статье 10 Закона 1981 г.:

“В исключениях вообще ничего не говорится об "общественном интересе", и мне хотелось бы добавить, что с моей точки зрения, выражение "правосудие", интересы которого имеют право на защиту, употреблено не в общем смысле как антоним слова "несправедливость", а в техническом смысле отправления правосудия в ходе рассмотрения дела в суде...

[Выражение “интересы правосудия”] ... относится к отправлению правосудия в уже существующем конкретном судебном разбирательстве, или, как в деле *“Норвич фармакалко.” против Управления таможенных пошлин и акцизных сборов*, к конкретному гражданскому иску, который предполагается возбудить против правонарушителя, личность которого еще не установлена. Мне трудно представить гражданский иск, имеющий отношение к статье 10 Закона 1981 г., кроме случаев диффамации или задержания вещественных доказательств, когда они, как в настоящем деле или деле *“Британская сталелитейная корпорация” против “Гранада телевизион”*... состоят из документов, которые попали в распоряжение средства массовой информации в результате злоупотребления доверием, либо включают в себя подобные документы”.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

23. В своей жалобе в Комиссию (№ 17488/90) от 27 сентября 1990 г. заявитель утверждал, что судебный приказ, требующий от него раскрыть источник своей информации, представляет собой нарушение его права на свободу слова в соответствии со статьей 10 Конвенции.

24. Комиссия объявила жалобу приемлемой 7 сентября 1993 г. В своем докладе от 1 марта 1994 г. (сделанном согласно статье 31) Комиссия установила факты и выразила мнение, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции (одиннадцатью голосами против шести). Полный текст выводов Комиссии и содержащихся в докладе особых мнений приведен в приложении к настоящему постановлению.

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В СУД ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

25. На слушании 24 апреля 1995 г. Правительство, как оно уже ранее сделало в своем меморандуме, просило Суд вынести решение о том, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

26. На том же самом слушании заявитель повторил содержащийся в его меморандуме призыв к Суду вынести решение о том, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции, и присудить ему справедливое возмещение в соответствии со статьей 50 Конвенции.

Вопросы права

I. О предполагаемом нарушении статьи 10 Конвенции

27. Заявитель утверждал, что приказ суда раскрыть личность источника информации и наложенный на него штраф за отказ сделать это представляют собой нарушение статьи 10 Конвенции, которая гласит:

“1. 1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

28. Никто не оспаривает, что меры, предусмотренные судебным приказом, являются вмешательством в право заявителя на свободу слова в том виде, как она гарантируется статьей 10 п. 1. Суд не видит оснований для иного вывода. Поэтому необходимо рассмотреть, было ли такое вмешательство оправданным в соответствии с требованиями статьи 10 п. 2.

А. Было ли вмешательство “предусмотрено законом”?

29. Суд отмечает, и против этого никто не возражал, что оспариваемый судебный приказ о раскрытии источника и штраф за его неисполнение основываются на национальном законодательстве, в частности на статьях 10 и 14 Закона 1981 г. (см. п. 20—21 выше). С другой стороны, заявитель утверждал, что в том, что касается приказа о раскрытии источника, соответствующий национальный закон не удовлетворяет требованию предсказуемости, вытекающему из выражения “предусмотрено законом”.

30. Правительство оспаривало это утверждение, тогда как Комиссия не считала нужным заниматься решением этого вопроса.

31. Суд напомнил, что с учетом его практики соответствующий национальный закон должен быть сформулирован достаточно четко, с тем чтобы позволить заинтересованным лицам — при необходимости с помощью юридической консультации — предвидеть с разумной для данных обстоятельств степенью определенности те последствия, которые может повлечь за собой конкретное действие. Закон, предоставляющий определенную свободу усмотрения, сам по себе не является несовместимым с указанным требованием, при условии что пределы усмотрения и способы его осуществления, с учетом правомерности преследуемой цели, указаны с достаточной степенью ясности, и что лицу предоставлена адекватная защита от произвольного вмешательства (см., например, постановление по делу *Толстой-Милославский против Соединенного Королевства* от 13 июля 1995 г. Серия А, т. 316-В, стр. 71—72, п. 37).

32. Заявитель утверждал, что сделанное в интересах правосудия исключение из принципа защиты источников информации на основании статьи 10 Закона 1981 г. не обладает достаточной точностью, позволяющей журналистам предвидеть обстоятельства, в которых им может быть предъявлен подобный приказ для защиты интересов частной компании. Лорд Бридж полностью пересмотрел применительно к данному делу толкование вопроса о возможности предвидения, данное лордом Диплоком в деле *Министр обороны против “Гардиан ньюспейперс”*. Введенный лордом Бриджем принцип уравнивания представляет собой субъективную судебную оценку факторов на основании имеющего обратную силу доказательства, предъявленного стороной, добивающейся раскрытия личности источника (см. п. 18 выше). В тот момент, когда источник предоставил информацию, журналист не мог знать, в какой степени материальное положение потерпевшей стороны зависит от этой информации. Журналист не имел также возможности оценить с какой-либо степенью определенности заинтересованность общественности в такого рода информации. Журналист обычно может судить, законным или незаконным путем получена информация, но не в состоянии предсказать, как посмотрит на это суд. Действующее в настоящее время право напоминает мандат, дающий судьям полномочия обязать журналиста раскрыть свои источники информации, если судей “тронут” жалобы потерпевшей стороны.

33. Суд признает, что формулировать законы с абсолютной степенью определенности в рассматриваемой области бывает трудно, а потому некоторая гибкость возможна и даже желательна, чтобы позволить национальным судам развивать право в свете их представлений о том, какие меры являются необходимыми в интересах справедливости.

Вопреки тому, что утверждает заявитель, соответствующее законодательство не наделяет английские суды неограниченным правом усмотрения при решении вопроса о выдаче судебного приказа о раскрытии источника информации в интересах правосудия. Важные ограничения следуют прежде всего из условий статьи 10 Закона 1981 г., согласно которым приказ может быть отдан, если “суд считает вполне установленным, что раскрытие информации [будет] необходимо в интересах правосудия” (см. п. 20 выше).

Кроме того, в рассматриваемый период, то есть когда заявитель получил информацию от своего источника, существовало не только толкование положения статьи 10 об исключении в интересах правосудия, данное лордом Диплоком в деле *Министр обороны против “Гардиан ньюспейперс”*, но также и решение лорда Рейда по делу *“Норвич фармакал Ко.” против Управления таможенных пошлин и акцизных сборов* (1973 г.), в котором указывалось, что на лицо, которое без какой бы то ни было вины с его стороны оказалось замешанным в противоправных действиях, может быть возложена обязанность раскрыть личность правонарушителя (см. п. 15, 18 и 22 выше).

С точки зрения Суда, данное Палатой лордов толкование соответствующего закона в связи с делом заявителя не выходит за рамки того, что можно было бы разумно

предвидеть в данных обстоятельствах (см. *mutatis mutandis* недавнее судебное постановление по делу *S. W. против Соединенного Королевства* от 22 ноября 1995 г. Серия А, т. 335-В, стр. 42, п. 36). Суд не находит и признаков того, что рассматриваемый закон не предоставил заявителю адекватной защиты от произвольного вмешательства.

34. Соответственно, Суд приходит к выводу, что оспариваемые меры были “предусмотрены законом”.

В. Преследовало ли вмешательство правомерную цель?

35. Перед органами Конвенции никто не возражал против того, что оспариваемые меры были направлены на защиту интересов “Тетры” и что вмешательство преследовало правомерную цель. Правительство настаивало, что эти меры были приняты также для предотвращения преступления.

36. Суд, удостоверившись, что вмешательство преследовало первую из этих целей, не считает необходимым устанавливать, преследовало ли оно и вторую из указанных целей.

С. Было ли вмешательство “необходимым в демократическом обществе”?

37. Заявитель и Комиссия придерживаются мнения, что статья 10 Конвенции требует ограничить любое принуждение журналиста раскрыть источник своей информации исключительными обстоятельствами, угрожающими жизненно важным общественным или личным интересам. Настоящее дело проверку по данному критерию не выдерживает. Заявитель и Комиссия ссылаются на то обстоятельство, что “Тетра” уже добилась судебного приказа, запрещающего публикацию (см. п. 12 выше) и что нарушений этого приказа не было. Поскольку информация указанного типа обычна в деловой прессе, они не считают, что риск ущерба, который могли вызвать дальнейшие публикации, был доказан “Тетрой”, которой к тому же не был причинен предполагаемый ею вред.

По мнению заявителя, рассматриваемая информация заслуживала публикации в печати, хотя в ней и не раскрывалось фактов, имеющих особо важный общественный интерес, как, например, преступления, в том числе должностные. Сведения о недостатках в управлении “Тетрой”, убытках и поиске кредитов, были основаны на фактах, носили злободневный характер и представляли непосредственный интерес для потребителей и инвесторов на рынке компьютерных программ. В любом случае, степень общественной заинтересованности в информации не может служить критерием для констатации настоятельной потребности в судебном приказе о раскрытии ее источника. Источник может предоставить маловажную информацию сегодня и очень ценную информацию завтра; важно, чтобы отношения между журналистом и источником порождали информацию, которая по праву может быть сообщена в печати. Сказанное не отрицает права “Тетры” сохранять свою деятельность в тайне, но призвано оспорить утверждение, что была острая социальная необходимость наказывать заявителя за отказ раскрыть источник информации, которую “Тетра” не сумела сохранить в тайне.

38. Правительство возражало, утверждая, что судебный приказ о раскрытии источника информации был необходим в демократическом обществе для того, чтобы защитить “права” компании “Тетра”. В функцию национальных судов входит как выяснение фактов, так и, в свете установленных фактов, определение вытекающих из них правовых последствий. С точки зрения Правительства, надзорная юрисдикция учреждений Конвенции распространяется только на последнюю часть указанной функции. Это ограничение при рассмотрении дела в свете Конвенции имеет в данном случае большое значение. Национальные суды исходили из того, что заявитель, получая информацию от своего источника, не знал, что она носит конфиденциальный характер, но ему следовало это знать. Более того, источник информации, возможно, являлся похитителем конфиденциального бизнес-плана и, разглашая эту информацию, преследовал неблагоприятные цели. В случае дальнейшей публикации этой информации истцы потерпели бы серьезный коммерческий ущерб. Это было установлено внутренними судами на основании предъявленных им доказательств.

В представлении далее говорилось, что в публикации полученной заявителем конфиденциальной информации не было существенного общественного интереса.

Хотя и существует общая заинтересованность в том, чтобы журналисты свободно получали информацию, источники информации и журналисты должны осознавать, что даваемое журналистом явное обещание сохранять конфиденциальность или подразумеваемое обязательство не ссылаться на источник информации могут уступать более важному общественному интересу. Журналистская привилегия не должна распространяться на защиту источника, который ведет себя недобросовестно или, по меньшей мере, безответственно, и не должна позволять ему безнаказанно передавать информацию того вида, о которой идет речь. В настоящем случае источник не проявил ответственности, к которой призывает статья 10 Конвенции. Спорная информация в содержательном плане не представляла собой такого общественного интереса, который оправдывал бы вмешательство в права частной компании, каковой является “Тетра”.

Несмотря на получение эффективных судебных запретов, до тех пор пока похититель и источник информации не обнаружены, истцы рискуют столкнуться с дальнейшим распространением этих сведений, а следовательно, с угрозой ущерба для бизнеса и средств к существованию их работников. Других средств для защиты конфиденциальности деловой информации “Тетры” нет.

В этих обстоятельствах, по мнению Правительства, судебный приказ, требующий от заявителя раскрыть свой источник информации, и последовавшее постановление о наложении штрафа за его отказ сделать это не являются нарушением прав заявителя в целях статьи 10 Конвенции.

39. Суд напоминает, что свобода слова составляет одну из главных опор демократического общества, и что предоставляемые прессе гарантии имеют особенно большое значение (см. судебное постановление по делу *Йерсилд против Дании* от 23 сентября 1994 г. Серия А, т. 298, стр. 23, п. 31).

Защита журналистских источников информации является одним из основополагающих условий свободы печати, в том виде, как она нашла отражение в законах и кодексах журналистской этики ряда Договаривающихся Государств и в нескольких международных актах (см., в частности, Резолюцию о свободах журналистов и правах человека, принятую на 4-й конференции министров европейских стран по вопросам политики в области средств массовой информации (Прага, 7—8 декабря 1994 г.), Резолюцию Европейского парламента о конфиденциальности журналистских источников от 18 января 1994 г. (“Official Journal of European Communities” № C 44/34). При

отсутствии подобной защиты источники не стали бы оказывать содействие прессе, что отрицательно сказалось бы на способности прессы предоставлять точную и надежную информацию по вопросам, представляющим общественный интерес. В результате жизненно важная роль прессы как стража интересов общества была бы подорвана. Принимая во внимание важность защиты журналистских источников для свободы печати в демократическом обществе и опасное воздействие, которое судебный приказ о раскрытии источника может оказать на осуществление свободы печати, подобная мера не может считаться совместимой со статьей 10 Конвенции, если она не оправдывается более важным требованием общественного интереса.

Эти соображения должны быть учтены при проверке обстоятельств настоящего дела с точки зрения “необходимости в демократическом обществе” в соответствии со статьей 10 п. 2.

40. По общему принципу, “необходимость” любого ограничения свободы слова должна быть убедительно установлена (см. постановление по делу *“Санди таймс” против Соединенного Королевства* (№ 2) от 26 ноября 1991 г. Серия А, т. 217, стр. 28—29, п. 50, где изложены основные принципы, регламентирующие применение критерия “необходимости”). Считается, что вывод о “неотложной социальной потребности” в ограничении должны сделать прежде всего национальные власти, для чего они располагают определенной свободой усмотрения. Однако в настоящем контексте национальная свобода усмотрения ограничивается интересами демократического общества в обеспечении и поддержании свободы печати. Этот же интерес будет определять — в соответствии со статьей 10 п. 2, — было ли ограничение соразмерно преследуемой правомерной цели. В общем, ограничение конфиденциальности журналистских источников требует особо тщательного изучения со стороны Суда.

Задача Суда при осуществлении им своей контрольной функции заключается не в том, чтобы подменять деятельность национальных властей, а в том, чтобы рассматривать в свете статьи 10 решения, которые национальные власти приняли в соответствии со своим правом усмотрения. При этом Суд должен рассмотреть обжалуемое “вмешательство” в контексте всего дела и установить, являются ли основания, выдвинутые в его оправдание национальными властями, “существенными и достаточными”.

41. В настоящем случае, как явствует из речи лорда Бриджа в Палате лордов, судебный приказ о раскрытии источника был выдан “Тетре” главным образом на том основании, что ее бизнесу, а следовательно, и средствам к существованию ее работников грозил серьезный ущерб вследствие возможного обнародования сведений, содержащихся в корпоративном плане, в то время как еще велись переговоры о рефинансировании (см. п. 18 выше). Эту угрозу, “тикающую под ними, как бомба с часовым механизмом”, как выразился лорд Дональдсон в Апелляционном суде (см. п. 17 выше), можно было устранить, по мнению лорда Бриджа, только удалив из нее запал, т. е. идентифицировав источник информации, который либо сам являлся похитителем копии бизнес-плана, либо мог повести к установлению такого похитителя и дать, таким образом, компании возможность истребовать пропавший документ по суду. Важность защиты источника информации, делает вывод лорд Бридж, во многом уменьшилась из-за по меньшей мере соучастия источника информации в грубейшем нарушении конфиденциальности, которая далеко не была уравновешена законным интересом в публикации информации (см. п. 18 выше).

42. С точки зрения Суда, оспариваемый приказ о раскрытии источника в данном деле следует рассматривать в более широком контексте промежуточного судебного предписания о запрете публикации любых сведений, почерпнутых из похищенного плана, не только самому заявителю, но и издателям “Инджинизер”, а также всем национальным

газетам и журналам (см. п. 12 выше). Цель приказа о раскрытии источника — предотвратить распространение конфиденциальной информации, содержащейся в плане, — в значительной степени уже была достигнута этим судебным запретом. По мнению члена Апелляционного суда лорда Дональдсона, нет сомнений в том, что приказ оказался действенным и остановил распространение прессой конфиденциальной информации (см. п. 17 выше). Таким образом, кредиторы, клиенты, поставщики и конкуренты компании “Тетра” лишились возможности получить эту информацию из печати. Тем самым ключевой компонент угрозы причинения ущерба компании в значительной степени уже был нейтрализован. Раз это так, то, по мнению Суда, приказ о раскрытии источника служил лишь средством усиления запрета; дополнительное ограничение свободы печати, которое он влек за собой, не имело под собой достаточных оснований в целях статьи 10 п. 2 Конвенции.

43. Суду остается установить, могут ли служить достаточным оправданием иные цели, достигаемые при помощи приказа о раскрытии источника.

44. В этом отношении справедливо, как указал лорд Дональдсон, что данный судебный запрет “не мог предотвратить разглашения информации клиентам или конкурентам [Тетры]” непосредственно источником заявителя (либо источником этого источника) (см. п. 17 выше). Не зная о том, кто является источником, “Тетра” была не в состоянии остановить дальнейшее распространение нежелательной информации, в частности, путем судебного истребования пропавшего документа у источника заявителя, судебного запрета на дальнейшее распространение им этой информации и возбуждения уголовного дела о возмещении причиненного ущерба.

У компании как коммерческого предприятия имелся также законный интерес в разоблачении и увольнении нелояльного служащего или сотрудника, у которого был доступ в помещения компании, где хранились конфиденциальные сведения.

45. Все это, несомненно, достаточные основания. Однако — и это признается национальными судами — для стороны, стремящейся получить судебный приказ о раскрытии источника, недостаточно сослаться лишь на то, что без такого приказа она не сможет воспользоваться своим законным правом или избежать отрицательных правовых последствий (см. п. 18 выше). В этой связи Суд хотел бы напомнить, что учреждения Конвенции при рассмотрении дел на основании статьи 10 п. 2, сопоставляя соперничающие интересы, отдают предпочтение заинтересованности демократического общества в обеспечении свободы печати (см. п. 39—40 выше). Исходя из фактов настоящего дела, Суд не может прийти к выводу, что интересы “Тетры”, стремившейся с помощью суда устранить лишь остаточную угрозу ущерба от распространения конфиденциальной информации иным путем, нежели через прессу, получить возмещение ущерба, наконец, разоблачить нелояльного служащего или сотрудника, были, даже если рассматривать их в совокупности, достаточны, чтобы перевесить жизненно важный общественный интерес — защиту источника информации, полученной журналистом-заявителем. Поэтому Суд не считает, что дополнительные цели, которые обеспечивал приказ о раскрытии источника, при сопоставлении их со стандартами, на соблюдении которых настаивает Конвенция, можно было бы приравнять к более важному критерию интереса.

46. Итак, с точки зрения Суда, отсутствует разумная соразмерность между правомерной целью, преследуемой приказом о раскрытии журналистского источника, и средствами, использованными для ее достижения. Поэтому ограничения, наложенные приказом о раскрытии источника информации на осуществление заявителем свободы слова нельзя рассматривать как необходимые в демократическом обществе для защиты прав компании

“Тетра” в смысле статьи 10 п. 2, несмотря на свободу усмотрения, которой располагают национальные власти.

Соответственно, Суд делает вывод, что как приказ, требующий от заявителя раскрыть источник своей информации, так и наложенный на него штраф за отказ сделать это представляют собой нарушение его права на свободу слова в соответствии со статьей 10.

II. Применение статьи 50 Конвенции

47. Г-н Уильям Гудвин требует справедливого возмещения в соответствии со статьей 50 Конвенции, которая гласит:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то постановлением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

A. Моральный вред

48. Заявитель потребовал 15 000 фунтов стерлингов в возмещение морального ущерба за душевные страдания, шок, испуг и тревогу, которые он испытал в результате возбужденного против него судебного преследования. В течение пяти месяцев он постоянно находился под угрозой того, что его посадят в тюрьму на срок до двух лет в наказание за то, что он слушался велений своей совести и вел себя так, как ему предписывал профессиональный долг журналиста. Ему все еще приходится жить с репутацией уголовного преступника, нарушившего Закон о неуважении к суду. Он стал объектом преследований и домогательств со стороны служителей правосудия и своих работодателей, направленных на то, чтобы заставить его исполнить судебный приказ; к этому добавилось давление с применением угрозы увольнения, если он не раскроет свой источник.

49. Правительство возражало против требований заявителя на том основании, что заявленные им отрицательные последствия проистекали из того факта, что он бросил вызов праву и не повиновался ему. Даже если он и считал, что это плохое право, он должен был повиноваться приказу о предоставлении суду истребуемой информации, направив ее в запечатанном конверте, либо по крайней мере он должен был признать свой долг повиноваться приказу о раскрытии информации, когда проиграл дело в Палате лордов. Если бы он это сделал, Правительству было бы трудно противиться требованию о возмещении ущерба за отрицательные последствия.

50. Доводы Правительства Суд не убедили. В соответствии со статьей 50 имеет значение только то, причинили ли образующие указанное нарушение обстоятельства моральный вред. В настоящем случае Суд считает установленным существование причинной связи между тревогой и огорчениями, испытанными заявителем, и нарушением Конвенции. Однако в обстоятельствах данного дела Суд полагает, что сам факт признания нарушения представляет собой достаточно справедливое возмещение морального вреда.

В. Судебные издержки и расходы

51. Заявитель далее потребовал возмещения судебных издержек и расходов, которые в сумме составили 49 500 фунтов стерлингов и были конкретизированы в его меморандуме Суду от 1 марта 1995 г.:

(a) 19 500 фунтов — оплата адвоката за составление жалобы и письменных замечаний в Комиссию и в Суд и за подготовку и представительство по делу как в Комиссии, так и в Суде.

(b) 30 000 фунтов — за работу поверенных заявителя в связи с разбирательством дела в Комиссии и в Суде.

К вышеназванным суммам следует приплюсовать соответствующий налог на добавленную стоимость.

52. Правительство в своем письме от 11 апреля 1995 г. предложило заявителю представить подробную разбивку судебных издержек.

53. В письме от 25 июля 1995 г. заявитель сообщил, что работа адвокатов в Комиссии и в Суде составила 136 часов при средней оплате 250 фунтов в час для старшего партнера и 150 фунтов в час для помощника.

54. 30 августа 1995 г. Правительство представило свои комментарии по поводу разбивки, сделанной заявителем. Оно сообщило, что считает запрошенную сумму в 19 500 фунтов за услуги адвокатов неоправданно высокой и полагает разумной сумму в 16 000 фунтов стерлингов.

Что касается оплаты услуг поверенных заявителя, то Правительство считает чрезмерными ставки и количество часов, содержащиеся в требовании.

С его точки зрения, разумной была бы оплата 110 часов при средней ставке 160 фунтов для старшего партнера и 100 фунтов для помощника.

По расчетам Правительства, было бы целесообразно возместить заявителю 37 595,50 фунта (включая НДС) за понесенные им издержки.

55. В своем письме от 1 сентября 1995 г. заявитель подчеркнул, что количество часов и почасовые расценки, содержащиеся его в требовании, являются разумными. Однако он признал, что если Суд примет решение в его пользу, он будет вправе назначить по своему усмотрению сумму издержек, указанную Правительством. Он также заявил, что согласен на мировое соглашение, основанное на средней по предложениям сторон сумме.

56. Суд считает суммы, на которые согласилось Правительство, адекватными с учетом обстоятельств настоящего дела. Поэтому Суд присуждает заявителю 37 595,50 фунта (включая НДС) в возмещение судебных расходов и издержек, за вычетом 9 300 французских франков, уже уплаченных Советом Европы в порядке судебной помощи.

С. Проценты за просрочку

57. Согласно имеющейся у Суда информации, процентные ставки, действующие в Соединенном Королевстве на дату вынесения настоящего судебного постановления, составляют 8 % годовых.

По этим основаниям суд

1. *Постановил* одиннадцатью голосами против семи, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что установление факта нарушения представляет собой достаточное и справедливое возмещение понесенного заявителем морального ущерба;

3. *Постановил* единогласно:

(a) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев выплатить заявителю в счет издержек и расходов 37 595,50 (тридцать семь тысяч пятьсот девяносто пять фунтов стерлингов и пятьдесят пенсов) за вычетом 9 300 (девяти тысяч трехсот) французских франков, которые должны быть переведены в фунты стерлингов по курсу, который применялся на день вынесения настоящего постановления;

(b) что простые проценты из расчета 8 % годовых должны будут выплачиваться по истечении вышеуказанного трехмесячного срока и вплоть до урегулирования задолженности;

4. *Отверг* единогласно оставшуюся часть требования о справедливом возмещении.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 27 марта 1996 г.

Герберт Петцольд Рольф Риссдал

Секретарь Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

- a. совпадающее мнение судьи Де Мейера;
- b. совместное особое мнение судей Риссдала, Бернхардта, Тора Вильямсона, Матчера, Уолша, сэра Джона Фрилэнда и Бака;
- c. отдельное особое мнение судьи Уолша.

Совпадающее мнение судьи Де Мейера

Я полностью согласен с выводом Суда, что приказ, требующий от заявителя раскрыть источник его информации, и наложенный на него штраф за отказ сделать это нарушили его право на свободу слова.

Однако я хотел бы также отметить, что, с моей точки зрения, таким же нарушением был и ранее вынесенный судебный запрет на публикацию этой информации, ибо это является совершенно неприемлемой формой предварительного ограничения свободы слова.

Даже если бы такого судебного запрета и не существовало, приказ о раскрытии источника информации и последовавший за ним штраф не были бы законными. Защита источников информации журналиста имеет столь жизненно важное значение для осуществления им своего права на свободу слова, что в принципе никогда нельзя допускать покушений на него, кроме как, наверное, в исключительных обстоятельствах, которых в настоящем деле, конечно же, не было.

Совместное особое мнение судей Риссдала, Бернхардта, Тора Вильямсона, Матчера, Уолша, сэра Джона Фрилэнда и Бака

1. Мы не можем согласиться с выводом, сделанным большинством в п. 46 судебного постановления, что “как приказ, требующий от заявителя раскрыть источник своей информации, так и наложенный на него штраф за отказ сделать это представляют собой нарушение его права на свободу слова в соответствии со статьей 10”.

2. Мы, конечно же, полностью согласны с тем, о чем напоминает п. 39 судебного постановления: свобода слова составляет одну из главных опор демократического общества, и предоставляемые прессе гарантии имеют особенно большое значение. Мы также согласны, что, как говорится в данном пункте далее: “Защита журналистских источников информации является одним из основополагающих условий свободы печати... При отсутствии подобной защиты источники не стали бы оказывать содействие прессе, что отрицательно сказалось бы на способности прессы предоставлять точную и надежную информацию по вопросам, представляющим общественный интерес. В результате жизненно важная роль прессы как стража интересов общества была бы подорвана”. Отсюда следует, что приказ о раскрытии источника информации не может считаться совместимым со статьей 10 Конвенции, если только это требование не является оправданным согласно п. 2 данной статьи.

3. Мы расходимся с большинством в оценке того, существовало ли такое оправдание в настоящем деле — в частности, можно ли было считать, что оно удовлетворяло проверке по критерию необходимости в демократическом обществе.

4. Что касается национального права, статья 10 Закона о неуважении к суду 1981 г. однозначно исходит из презумпции недопустимости раскрытия источника информации. В ней предусматривается, что суд не может требовать раскрытия источника, “если только не будет установлено, что такое раскрытие является необходимым в интересах правосудия или национальной безопасности, либо для предотвращения беспорядков или преступлений”.

5. Как объяснял лорд Бридж в Палате лордов по делу заявителя, это законное ограничение действует, пока сторона в процессе, требующая вынесения приказа о раскрытии, не убедит суд, что “раскрытие является необходимым” в интересах решения одной из четырех задач, перечисленных в данной статье Закона и вызывающих особую озабоченность общества. Задавая себе вопрос, является ли раскрытие источника какой-либо конкретной информации необходимым для удовлетворения одного из интересов, о которых идет речь, судья должен приступить к процедуре оценки: он должен начать “с предположений, что: во-первых, защита источников сама по себе имеет большое общественное значение; во-вторых, лишь необходимость будет достаточной для того, чтобы возобладать над ней; в-третьих, такая необходимость может проистекать только из другой задачи, представляющей большую общественную значимость и относящейся к одной из тех четырех задач, которые перечислены в данной статье закона”. Рассматривая способ, которым судья должен установить необходимость, когда этого, как в данном деле, требуют интересы правосудия, лорд Бридж указал, что для стороны, требующей раскрытия источника, защищаемого данной статьей Закона, недостаточно показать, что без такого раскрытия она будет не в состоянии осуществить признаваемое за ней законом право или избежать угрозы отрицательных правовых последствий. “Задача судьи всегда будет состоять в том, чтобы сопоставить важность достижения интересов правосудия применительно к обстоятельствам конкретного дела, с одной стороны, и важность защиты источника — с другой. Взвешивая, судья должен удостовериться, что раскрытие источника в интересах правосудия имеет такую большую значимость, что она перекрывает установленную статутом привилегию не раскрывать источника, т. е. должен констатировать наличие определенного порога необходимости”.

6. Исходя из того, что, как это признается в судебном постановлении, защита прав компании “Тетра” с помощью исключения “в интересах правосудия” преследует правомерную цель на основании статьи 10 п. 2, проверка по критерию необходимости, применяемая в национальном праве, поразительно похожа на ту, которая требуется по Конвенции. Основываясь на всей совокупности представленных им доказательств, национальные суды в трех инстанциях пришли к выводу, что раскрытие источника необходимо в интересах правосудия. В поддержку своего вывода о правильности решения суда первой инстанции и Апелляционного суда лорд Бридж указал на следующие моменты. Во-первых, для “Тетры” важность получения приказа о раскрытии источника заключается в угрозе серьезного ущерба для ее бизнеса, а следовательно, и для средств к существованию ее работников, который может быть причинен разглашением конфиденциальных сведений, в то время как операции по рефинансированию все еще продолжаются. Эту угрозу можно было устранить, только если бы удалось идентифицировать источник информации, который либо сам являлся похитителем копии бизнес-плана, либо мог повести к установлению такого похитителя и дать, таким образом, компании возможность истребовать пропавший документ по суду. Во-вторых, важность защиты источника информации значительно уменьшилась соучастием источника в грубом нарушении конфиденциальности, что не было уравновешено каким-либо законным интересом, которому могла бы служить публикация этой информации. Рассмотрение баланса интересов с этой точки зрения ясно показало преобладание интересов правосудия, перевесивших соображения предусмотренной законом защиты источника от раскрытия, и проверка необходимости раскрытия источника была проведена.

7. С другой стороны, в судебном постановлении был сделан вывод об отсутствии обоснованной соразмерности между преследуемой приказом о раскрытии источника правомерной целью и средствами, использованными для достижения этой цели (п. 46). Подводя к этому выводу, судебное постановление в п. 42 (справедливо) говорит, что приказ о раскрытии источника следует рассматривать в контексте судебного приказа, которого “Тетра” уже добилась ранее. Этот запрет оказался эффективным средством предотвращения распространения в прессе конфиденциальной информации, тем самым “ключевой компонент угрозы причинения ущерба компании в значительной степени уже был нейтрализован...” “Раз это так, — говорится в нем далее, — ...то... приказ о раскрытии источника служил лишь средством усиления запрета; дополнительное ограничение свободы печати, которое он влек за собой, не имело достаточных оснований в целях статьи 10 п. 2 Конвенции”.

8. Предположить, однако, что приказ о раскрытии источника мог служить “просто усилению запрета”, значит неверно изложить суть дела. Как объясняется в решениях национальных судов, целью приказа о раскрытии источника было расширить защиту прав компании “Тетра”, ликвидировав пробелы, оставленные первым приказом. Запрет приструнил прессу, но на практике он нисколько не препятствовал источнику заявителя (или источнику источника) довести эту информацию непосредственно до клиентов и конкурентов “Тетры”. Не зная личности источника, “Тетра” была бы не в состоянии остановить дальнейшее распространение конфиденциальных сведений, потребовав в судебном порядке возврата пропавшего документа, выдачи судебного предписания, запрещающего любое его дальнейшее распространение, и возмещения понесенного ущерба. Компания не могла также устранить угрозу причинения ее интересам дальнейшего вреда возможным нелояльным служащим или работником, который мог по-прежнему пользоваться доступом в ее помещения.

9. Эти дополнительные цели, достижению которых служит приказ о раскрытии источника, рассматриваются в п. 44—45 судебного постановления. Последний пункт, напомним соображения, которые должны приниматься в расчет учреждениями Конвенции при рассмотрении дел на основании статьи 10 п. 2, “сопоставляя соперничающие интересы, отдают предпочтение заинтересованности демократического общества в обеспечении свободы прессы”, утверждает, что интересы “Тетры” в принятии дополнительных мер защиты путем издания судебного приказа о раскрытии источника были недостаточны, чтобы перевесить жизненно важный общественный интерес в защите источника получения информации журналистом-заявителем.

10. Однако какого-либо детального анализа интересов “Тетры” предпринято не было, а в их отсутствие нет достаточного основания для процедуры сопоставления, применение которой требуется от Суда. Национальные суды в любом случае находились в лучшем положении для подобной оценки на основании имеющихся у них доказательств, и, с нашей точки зрения, вывод, к которому они пришли относительно того, где находится искомый баланс интересов, не выходит за пределы свободы усмотрения, предоставленной национальным властям.

11. Таким образом, мы приходим к выводу, что ни приказ о раскрытии источника, ни штраф, наложенный на заявителя за его неисполнение, не ведут к нарушению его права на свободу слова в соответствии со статьей 10.

Отдельное особое мнение судьи Уолша

1. В своем вступительном обращении к Суду адвокат заявителя сказал, что его клиент “не требует себе специальной привилегии в силу своей профессии, т. к. журналисты не стоят над законом”. Тем не менее мне кажется, что Суд своим постановлением фактически решил, что согласно Конвенции журналисту в силу его профессии должна быть предоставлена привилегия, недоступная другим лицам. Разве не должен получить равную привилегию гражданин, когда он пишет письмо для публикации в газете, несмотря на то, что он не является профессиональным журналистом? Для того, чтобы провести различие между журналистом и рядовым гражданином, необходимо обратиться к статье 14 Конвенции.

2. В данном случае заявитель не пострадал от того, что ему не дали высказать свое мнение. Скорее, он сам отказался говорить. В результате тяжущаяся сторона, обратившаяся к закону за защитой своих интересов, которым был нанесен неправомерный ущерб, осталась без средств юридической защиты, на которые, по постановлению суда, она имеет право. Подобный итог, безусловно, является вопросом, представляющим публичный интерес, и заявителю удалось сорвать усилия национальных судов действовать в интересах правосудия. Решение вопроса о том, был ли документ, о котором идет речь, украден или нет, принадлежит национальным судам. Тем не менее заявитель утверждает, что, поскольку он не верит, что документ был украден, он может оправдывать этим свой отказ исполнить предписание суда, которое вынесено по его делу. Его отношение и его слова создают впечатление, что он повиновался бы приказу, если бы полагал, что данный документ был украден. Таким образом, в оправдание отказа повиноваться предписанию суда он сам определяет, что является истинным в ситуации, решение которой находится исключительно в компетенции национальных судов.

3. Мне представляется, что ничто в настоящей Конвенции не позволяет одной из сторон по делу противопоставлять свои убеждения относительно его фактических обстоятельств установленным компетентными судами фактам по делу и тем самым оправдывать свой отказ считать себя связанным судебным решением. Позволить стороне поступать так только потому, что она является журналистом по профессии, означает подвергать судебный процесс субъективной оценке одного из тяжущихся и уступить такой стороне право единолично выносить решение о моральной оправданности отказа повиноваться приказу суда, в результате чего другой стороне будет отказано в правосудии и она будет вынуждена терпеть ущерб. Таким образом, нарушается исходная норма естественной справедливости — никто не может быть судьей в своем собственном деле.